

Альберт Володжинский

Две подруги

18+

Альберт Володжинский

Две подруги

«Автор»

2020

Володжинский А.

Две подруги / А. Володжинский — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-04632-0

Небольшая история острых и чувственных сексуальных приключений двух подруг, одна из которых опытная, а другая - только начинает и преодолевает, впрочем, с интересом и готовностью, свое стеснение.

ISBN 978-5-532-04632-0

© Володжинский А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Первая встреча	6
Шажок в неизвестность	8
Проба	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Альберт Володжинский

Две подруги

Этой замечательной истории я целиком обязан своей прекрасной подруге Галине, прекрасной, надо сказать, всесторонне: обаятельной внешне, страстной и при этом превосходной рассказчице. Она умела передавать все, что происходило, настолько ярко, образно и точно, что ее рассказам оставалось лишь придать литературную форму, что я с большим удовольствием и сделал. Кое-чему я и сам был свидетелем, кое в чем сам был участником, что и описал от своего имени.

Автор

Первая встреча

Мы познакомились, как это обычно и бывает, благодаря счастливой случайности. В то солнечное, нежно-жаркое майское утро, я шла по тенистой стороне Ильинки, вышагивая туфельками, в сторону Торгово-Промышленной палаты, совсем не подозревая о том, сколь приятное знакомство мне сегодня предстоит.

Несколько ступенек вверх, указатель проводимой сегодня конференции, высокие, массивные, светло-желтые двери палаты уже были раскрыты. Внутри понемногу тянулась разная публика, растекаясь по монументальному холлу здания, по-старинному красивого, основательного, с духом незыблемости традиций, духом биржи, духом больших денег и бизнеса.

Внутри уже легкая суতোлка у регистрационных столов и раздачи всяких информационных материалов, которые берут больше из вежливости и потом не читают. Я нашла в выложенных на столе карточках свою, черкнула в списке подпись, и, накинув карточку участника на ленточке на шею, направилась в зал.

Темно-зеленые высокие двери, и за ними зал палаты, высокий, просторный и сдержанно-помпезный. С полусферического белоснежного потолка, обрамленного лепниной, лился ровный, успокаивающий отраженный свет. В этом зале тоже уже была некоторая суতোлка, гости и участники занимали свои места, приветствовали друг друга, общались.

Глазу, представляешь, упасть не на что! Нескладные мужчины разного возраста, либо пожилые и на вид словно бы как поношенные вещи; либо худосочная молодежь, в блеклых, смятых и косовато сидящих пиджаках с тряпичными, задерганными галстуками, с таким характерным затравленно-угодливым выражением на лице, лишенном и тени мужества. Завидев меня, эти молодые... мужчины, пытались изобразить нечто вроде привлекательной улыбки, как им, должно быть, казалось; только вот у них выходила, в основном, глуповатая, неприятная гримаса. Такой публики формально мужского пола было порядочно, все они меня разглядывали, пытались разглядывать, но быстро угасал их взгляд, натолкнувшийся на полное отсутствие к ним интереса.

Женская часть собрания была представлена или уже несколькими пожилыми женщинами, изображавшими из себя почтенных матрон, или блеклыми девицами, не то вчерашними студентками, не то начинающими журналистками, не то труженицами офисной плантации. Девицы эти сновали туда-сюда с деланной торопливостью и серьезностью, под градом вожде-люющих взглядов, не слишком убедительно изображая собой занятых бизнес-леди. Парочка совсем сероватых на вид девушек жалась где-то в углу.

Время шло к открытию, присутствующие постепенно занимали кресла. Я тоже высмотрела себе место рядом с проходом, шуганула взглядом, брошенным из-за тонированных очков, какого-то молодого парня в грубоватом черном костюме. Парень смутился, а я уселась в кресло, скрестив свои обтянутые брюками ножки, и пару минут посвятила сообщениям в своем телефоне.

Тут словно бы легкий ветерок прошелестел мимо. Передо мной, в проходе, в нескольких шагах, остановилась молодая женщина. Мой взгляд, брошенный на нее, выхватил изящный изгиб бедер и плавные окружности ягодиц, плотно, без единой складки, обтянутые темно-синими брюками, облегающий верх бедер и талию такого же темно-синего оттенка жакет, трапецию спины и плеч, на которые спускались изящно завитые каштановые локоны. Она прошла немного вперед и устроилась не так далеко от меня, в поперечном ряду кресел, и села впол-оборота от меня.

За столом президиума уже рассаживались важные персоны, но она заняла все мое внимание. Было просто удивительно, как она оказалась здесь, посреди всей этой неприглядной толпы. В микрофоны заговорили что-то, но я уже не особо и слушала, все бросая и бро-

сая взгляды на нее. Легкие, отточенные движения красивых рук, прилаживающие небольшую сумочку на колени, под обрамленным приталенным жакетом и белой блузкой плавным выступом груди. Пружинные движения завитков локонов, касавшихся нешироких плеч. Изумительно ровный овал лица, подведенные красной помадой чувственные и немного приоткрытые губы, ровная линия носа, переходящая в переносицу, по бокам от которого расположились миндалевидные, искрящиеся глаза. На лоб спускалась ровная, как по линейке, челка. Да, эта молодая женщина очень ухаживала за собой; ей явно нравилось ухаживать за собой, создавая эту прекрасную и отточенную красоту.

Помпезный зал палаты отдалился и стал словно бы хрустальным. С ней нужно непременно познакомиться, в первый же удобный момент. Просто смотреть на нее – удовольствие, такое удовольствие, от которого мой треугольник между бедер становится тугим. Нет, нельзя упускать такую возможность!

Удобный момент подвернулся довольно скоро. Примерно через полчаса важные персоны, уже и не помню, кто именно, произнесли свои речи, и ведущий объявил перерыв на кофе. Пока еще незнакомая мне женщина поднялась и прошла, слегка покачивая бедрами, мимо меня к дверям. Выждав совсем немного, я тоже встала и направилась вслед за ней, стараясь не упустить ее из виду. В дверях уже толпились, но дружелюбной улыбкой и томными взглядами поверх очков мне удавалось прокладывать себе дорогу.

В холле уже стояли столы со штабелем чашек и блюдец, с термосами для кофе и чая, а также небольшие высокие столики, накрытые белыми скатертями. Кофе – хороший повод для знакомства. Спокойно! Перебрасываясь немногими фразами со знакомыми и полужнакомыми мне людьми, я посматривала на нее, на то, как вокруг нее, словно железные опилки вокруг магнита, слипались ухажеры, пытавшиеся привлечь ее внимание. Вот она подхватила чашку с кофе, и, ловко оторвавшись от целой группы нескладных ухажеров, подошла к столику. Поставив чашку, она тут же вытянула из сумочки телефон. Поигрывая им в своих тонких пальчиках, она давала понять, что разговоры, комплименты, ухаживания и воздыхания ей не особенно интересны. Очень скоро у собравшейся было вокруг нее публики вдруг находились неотложные дела, то один уйдет, то другой, а она лишь продолжала что-то смотреть в телефоне.

Взяв чашку кофе, я направилась к ней. Несколько шагов, я почувствовала, как ее взгляд скользнул по мне, и наши глаза встретились. В ее глубоких, темных очах, под густыми ресницами, сверкнула искорка:

«Можно присоединиться?».

«Конечно!».

Она тут же очень изящно, даже нежно, отложила свой телефон на стол. Я встала рядом. Она без лишних слов, без стеснения и с небольшим даже кокетством, протянула мне руку и представилась:

«Анна».

«Галина», – ответила я, взяв ее небольшую, очень аккуратную, точеную руку, с небольшим золотым перстнем с бросающим искорки камнем, в свою руку. Теплая, мягкая, нежная ее рука.

Мы пили кофе и о чем-то говорили, точно не помню о чем. Мы не замечали ничего вокруг. Ее движения были плавными и чувственными, когда она поправляла свои пружинящие локоны, свисающие вниз гирляндами, голос ее сделался бархатистым. Мне не хотелось возвращаться в зал, слушать скучные доклады, я слегка трепетала от мысли, что может представиться возможность провести побольше времени со своей новой знакомой.

В общем, мы договорились сбежать с этого мероприятия.

Шажок в неизвестность

«Мне так одиноко! Я не знаю, что с этим поделаться!».

Слова Анны резко противоречили тому, что я видела: ее отточенную красоту, плавный овал лица, обрамленный ее локонами, тонкие пальцы, охватившие бокал с мохито. В голове не укладывалось, как такая красивая, изящная женщина может быть одинокой. Ведь сама я же видела, как увивались вокруг нее кавалеры. Да неужто не нашлось никого, кто бы обнял ее неширокие, женственные плечи?!

Но плечи Анны теперь были приподняты; она словно бы прикрывала ими свою голову. Глаза были опущены и прикрыты ресницами, во взгляде сквозила печать и некоторая толика отчаяния. Она готова была разрыдаться, но сдерживала себя, прикусывая кончик трубочки. Солнечный луч провел по столу грань между светом и сумраком, выхватывая ее руку и бокал; отраженный свет сделал ее волосы золотистыми, а на лице ее лежали тени.

Я слегка погладила ее руку, выражая свое участие ее переживаниям и приглашая успокоиться. Анна слегка покачала головой:

«Я боюсь мужчин», – начала она после продолжительной паузы: «Я боюсь их... мне стыдно. Все твердят, что тебе уже тридцать, когда выйдешь, когда дети будут. Я с мамой стараюсь не разговаривать, она все твердит, что надо выйти замуж, а то потом никто не возьмет».

В ее глазах блеснули слезинки, она вынула из сумочки салфетку и уголком промокнула выкатившуюся слезу.

«Я боюсь, всего боюсь», – повторила она.

Анна стала рассказывать свою историю, неохотно, с паузами, пересиливая себя. О властной матери, о том, с каким презрением она иногда высказывалась о мужчинах вообще, и даже об ее отце, человеке интеллигентном и добром, которого Анна любила. О том, как однажды отец ушел, потом был развод с длинной чередой скандалов; и о том, как она втайне общалась изредка с ним, страшая гнева матери. Редкие конспиративные встречи где-нибудь в парке, подальше от посторонних глаз, были для нее глотком воздуха в душной атмосфере. Они бродили по парку, угощаясь мороженым или шоколадкой, болтали о разном, и она, как маленькая девочка, прижималась к своему папе. Но это случалось редко. Отец жил один и далеко, много работал, ездил в продолжительные командировки. Обычно он оставлял ей денег, для которых Анна даже сшила потайной кармашек в своей сумочке, чтобы матери на глаза не попались.

У матери ее были две идеи-фикс: выдать дочку замуж и какие все мужчины мерзкие подонки. Об отношениях с мужчинами, в особенности интимных, она выражалась всегда самыми грязными и бранными словами, какие только знала.

«Ты знаешь, почему я так крашусь и одеваюсь!» – вскричала Анна.

«Нет!» – в некотором замешательстве ответила я.

«Да потому что это было единственное, за меня хвалила мать!» – и заплакала.

Выплакавшись, она добавила, что поначалу красилась, чтобы угодить матери, а потом ей и самой понравилось следить и ухаживать за собой. Так она становилась похожей на изумительных и восхитительных барышень с живописных полотен, репродукции которых были в отцовской коллекции альбомов:

«Девочкой я могла часами листать эти альбомы, разглядывая платья, шляпки, вуали. Они приводили меня в восторг. А потом отец увез альбомы с собой», – вздохнула Анна.

Помолчав немного, она продолжила:

«Мама все хотела, чтобы я красилась и наряжалась, чтобы смогла захомутать, как она частенько выражалась, какого-нибудь богатенького мужичка. А я своей красотой защищалась от нее, так что ли?», – Анна горько усмехнулась и, замолчав, стала рассеянно смотреть за витрину кафе, куда-то на улицу.

Я осторожно пригубила кофе, не решаясь ее потревожить. Через несколько минут молчания Анна все же вернулась и бросила на меня испытующий взгляд. Довериться кому-то ей было нелегко:

«На третьем курсе универа я стала работать, у меня появились свои деньги, и я разъехалась со своей матерью. Вместе с подружкой мы сняли квартиру на двоих. Мать закатила мне скандал, что-то кричала, а я просто собрала свои вещи и ушла. Подружка ждала меня, помогла дотащить мои чемоданы. Осень была, дождь, мокрая дорожка и большие желтые листья на ней», – Анна положила голову себе на руку и впервые улыбнулась: «В тот же вечер я позвонила отцу, по-моему, в Норильск, и мы впервые проговорили долго и по душам».

Голос ее стал застенчиво-теплым, тихим. Помолчав, она пригубила мохито и продолжила:

«Жизнь моя понемногу наладилась. Я закончила универ. Папа приехал на мой выпускной. А мать свою я не позвала!», – в глубине ее глаз вспыхнули мстительные искорки: «Потом меня взяли на хорошую работу, я стала жить сама по себе и через пару лет купила себе квартиру. Старалась ни в чем себе не отказывать: театры, выставки, путешествия, наряды – само собой. Но я так и не стала счастливой, увы».

«У тебя не было молодого человека?», – с некоторой опаской коснулась я этой щепетильной темы.

«Да были, конечно! Я встречалась и в универе, и потом уже. Но я очень стыдливая и очень боялась того момента, когда встречи доходили до этого... ты понимаешь», – ответила мне Анна: «Мать мне внушала, что секс – это грязно, и что все мужчины хотят только этого. Я не решалась позволять себя обнимать, не решалась целоваться. Мне было страшно, что все вот так и окажется, как мать говорила».

Анна помолчала, вздохнула глубоко, собираясь с силами о чем-то рассказать:

«Я долго была девственницей и даже прослыла недотрогой, все боялась отдаться кому-нибудь. И вот, на одной вечеринке у друзей, ко мне стал клеиться один парень... Ну как парень, мужчина, он был старше меня. Как-то так получилось, что я с ним осталась в комнате наедине. Мы были пьяны. Он стал приставать ко мне нагло, лапать. Я его пыталась отталкивать, но у меня не получилось. Он просто прижал меня, задрал платье ну и... сделал это... Было больно, грубо и гадко».

Анна еще раз глубоко вздохнула. Неприятный рассказ давался ей очень тяжело. Она вся как бы померкла, поблекла от вновь пережитого:

«Потом я несколько дней плакала, и долго, долго не решалась кому-либо довериться. Как могла, гнала от себя эти воспоминания, но все же, от любого парня я ждала грубости. Стеснялась взглядов, не отвечала на комплименты. Прошло много времени, прежде чем я собралась с духом попробовать еще, но и в тот раз тоже не получилось. Я стеснялась, парень тоже оказался застенчивым; вскоре мы расстались. Потом я уже боялась, что больше никогда не получится. Вот такая история».

Анна допила мохито, отставила пустой бокал в сторону, сложила перед собой свои изящные руки вместе и долго смотрела на меня:

«Ты первая, кому я все это рассказала».

Я была поражена ее рассказом, звучавшим, с одной стороны, невероятно, а с другой... у очень многих красивых женщин были похожие истории. Трудно было подобрать слова, чтобы выразить Аннушке свое сочувствие.

«Аня...», – начала было я.

«Да ладно, не бери в голову. Разве я одна такая несчастливая?».

«Ну что ты! Не надо так о себе. Ты же не виновата в этом, это тебя мать так настроила против всех».

«Да, наверное...».

«Конечно!! И у меня тоже далеко не сразу все получилось, и не сразу я поняла, что не все, далеко не все мужчины такие, что есть мужчины нежные, любящие, с которыми очень хорошо».

Анна бросила на меня заинтересованно-недоверчивый взгляд.

«Есть такие мужчины, с которыми... с которыми забываешь обо всем, которых не хочется отпускать».

Вместо ответа Аннушка слегка прикусила сбоку свою нижнюю губу. Лево́й рукой она поправила волосы и стала накручивать локон на указательный палец. Я слегка, нежно коснулась ее правой руки, лежащей на столике. Она смущенно улыбнулась и немного порозовела, но пододвинула руку подальше, под мою ладонь:

«Галя, ты говоришь что-то невероятное!» – произнесла она с теплым кокетством: «Только как я найду такого?».

«Могу тебе в этом немного помочь», – вкрадчиво-заговорщическим тоном предложила я ей свое участие. В глубине души я опасалась, что Анна откажется, чего бы мне очень и очень не хотелось. Но отступать уже было нельзя: будь, что будет. Она подумала, подумала немного, вскинув бровь вверх, очаровательно улыбнулась, и, наклонившись немного вперед, почти прошептала:

«Давай попробуем».

Вот, этот момент самого первого шага в волнующую неизвестность. У меня отлегло от сердца. Она это сделала! Теплое, радостное чувство предвкушения чего-то очень приятного. Мне вспомнились ощущения некоторой робости перед первым разом с двумя любовниками сразу, ощущения первого шага в еще неизведанное для меня.

Мы рассчитались, Аннушка встала, поправила облегающее ее стан платье:

«Ну что, пройдемся по магазинам?» – предложила она, сверкнув искрящейся улыбкой.

Через несколько дней мы пили шампанское у меня дома. Чудесный летний вечер, легкий, едва ощутимый ветерок, проникающий через открытые окна. Золотистые лучи неспешно заходящего за горизонт солнца освещали стены и потолок, создавая в просторной комнате теплоту и уют. В окно виднелись стоящие поодаль башни, на стекле которых играли червонные солнечные блики, темноватая зелень парка и беловато-голубое летнее небо, подкрашиваемое солнцем в золотистые тона. Снизу шел плавный городской шум, привычный и не беспокоящий. Безмятежность и легкая эйфория от шампанского.

Аннушка полубоком возлежала на моей обширной кровати, подложив под себя подушки и откинув на них голову. Белая, облегающая блузка подчеркивала плавную линию плеча, полушария груди, глубокий изгиб талии. Ее бедра и ножки охватывали плотно сидящие темно-синие бриджи, оставляя ее изящные, точеные голени и вытянутые, немного изогнутые и заостренные к пальцам стопы, как часто бывает у женщин, любящих туфельки на высоком каблучке. Умиротворенная поза, одна ее рука лежала вдоль, поверх бедра, а другая рука то поигрывала кистями подушек, то поправляла вьющиеся каштановые волосы.

Я сидела против нее в кресле, рядом со столиком с бутылкой шампанского и початым бокалом. Легкий ветерок улаждал меня; на мне были только легкие белые шорты, свободная цветастая блузка тонкой ткани и... больше ничего.

Мы неспешно потягивали шампанское, болтали о тем и о сём, смеялись. Аннушка была очаровательна, искрилась улыбкой, заливалась негромким, приятным смехом. Словно бы не было ее скованности и страхов, о которых она мне рассказывала. Почему она мне тогда доверилась? Симпатия, конечно же! Сразу возникшая, обоюдная симпатия, устраняющая закрытость и отчужденность. Но своим глубинным чутьем я ощущала, что тут не только одна симпатия, а кое-что еще; что-то, что ее влекло ко мне.

За разговором неспешно проходило время. Вечер отставил нам длинные, голубовато-синие сумерки, постепенно густеющие и темнеющие. Становилось прохладнее, воздух

делался как бы гуще. Анна не торопилась и решила остаться у меня на ночь. Мы занялись небольшими вечерними хлопотами; вместе приготовили легкий ужин и перекусили, потом по очереди освежились в душе. Время текло неспешно и невыразимо приятно. Есть такой особый род наслаждения подобным времяпровождением в обществе очень симпатичного человека.

Мы сидели в кафе, в прохладном полумраке зала. Приятное место после тягучей жары, наполняющей московские улицы. Я раскинулся на мягком диванчике с подушками, в пленительном отдохновении от раскаленной сковородки гранитного тротуара. Легкий, освежающий ветерок скользил по лицу, шее и рукам, затекал под легкую белую рубашку. Немного сладковато-терпкого вкуса кофе, и становилось совсем хорошо.

Галка сидела напротив, потягивала неторопливо кофе и рассказывала о своих приключениях. Я слушал ее, расслабленно скользя взглядом по ее открытым плечам, по складкам свободной и легкой золотистой блузки. Приятный, бархатистый голос дополнял общее удовольствие от общения. Рассказывала Галка о своей подруге Аннушке:

«Ты знаешь, она вообще очень хороша, а после наших встреч стала просто сиять и искриться. Рассказывает мне: «Галка, я это делала у себя на работе». Спрашиваю, как у нее это получилось. Она и поведала, что улучила момент утром, когда еще почти никого не было, устроилась у себя в кресле поудобнее, да и довела себя до оргазма. Потом, говорит мне, весь день как на крыльях была».

«Да уж, тебе удалось ее раскрепостить», – заметил я.

«Не то слово! Я даже с ней своим мальчиком поделилась», – не без кокетства, отведя глаза вверх и сторону, и тут же прикрывшись чашкой кофе, обозначила тему Галка.

«Да ты что? Как интересно!».

«Если хочешь, расскажу».

«Давай, очень любопытно».

«Ну, в общем, мне захотелось ее совратить Костиком. Ну ты знаешь его, такой спортивный мальчик», – начала Галка свой рассказ о дальнейшем грехопадении своей подруги.

«Да, видел пару раз. Действительно весьма хорош», – вставил я свою реплику.

«Ну вот. Как-то мы встретились втроем, где-то в ресторанчике; Анечка выбежала с работы с нами перекусить. Тут я их и познакомила. Костик сразу загорелся. Анечка тоже вроде бы заинтересовалась, но виду особо не подавала...».

«Она, должно быть ёрзала, как будто бы ей было неудобно сидеть».

«Ёрзала? Ну... да, ёрзала, точно. Как места себе не находила, то так, то сяк. А ты откуда знаешь?».

«Наблюдательность», – с улыбкой сказал я: «Когда женщине понравился мужчина и она его хочет, то это частенько выражается вот так».

«А! Ха!! Потом мы уже вдвоем встретились. Спрашиваю ее, как ей Костик, понравился ли. Она говорит, что да, симпатичный. И тут я ей предлагаю: «Хочешь я им поделюсь?». Она: «Да ты шутишь!».

Я и отвечаю: «Нисколько. Серьезно, давай втроем?».

«И что, согласилась?».

«Да, представь себе, согласилась. Дальше нужно было только подходящее место и время».

«Расскажешь в деталях?».

«Почему нет? Расскажу».

Проба

Поздний вечер перед выходными. Никуда спешить не надо. Легкий ужин, фрукты и виноград, белое вино. Неторопливый, игривый разговор на фоне легкого опьянения.

Было уже за полночь, и мы уже ощущали, что пора переходить к делам более приятного и интимного свойства.

Мы ненадолго оставили его одного, и тут Анна приникла ко мне и тихо, почти шепотом, призналась:

«Галка, я стесняюсь».

«Чего?».

«Стесняюсь раздеваться. Может быть, свет выключим?».

«Ну что ты, моя хорошая? Этого не нужно стесняться. Мне вот нравится, когда на меня голую смотрят».

«Ну... я никогда не раздевалась перед парнем вот так, чтоб он смотрел...», – Аннушка была в смущении: «Мне с одной стороны хочется, а с другой – я побаиваюсь».

«Давай тогда я разденусь первой, а ты поглядишь, как это. Свет мы приглушим. Не бойся, раздеваться – это интересные ощущения».

«Хорошо, давай так», – согласилась она и улыбнулась.

Мы вернулись в комнату, где полулежа на уже разостланном ложе нас ожидал Костик. Наэлектризованная атмосфера ожидания, что вот-вот начнется интимная игра, ласки, соитие и поток удовольствия. Каждый раз этот начальный момент ощущается остро и по-новому. Аннушка устроилась в кресле, а я присела к нему поближе, положила руку ему на плечо. Темные глаза его сверкали искорками. Я наклонилась к нему и коснулась своими губами его губ, только коснулась, увернувшись от его попытки ухватить меня в длинный поцелуй. Встав, я погасила люстру, немного прибрала свет настенного бра, создав уютную, возбуждающе-интимную атмосферу. Бросив томный взгляд на Аннушку, я приступила к действию обнажения.

Сначала я плавно подняла руки вверх и, согнув их в локтях, нащупала и расстегнула застежку ворота своей блузки. При этом я плавно вращала своими бедрами, немного изгибаясь в талии. Руки пошли вниз, скрестились, и, ухватив блузку внизу, я потянула ее вверх, плавно, чувственно, обнажая свою грудь, ощущая сосками груди движущуюся ткань. Еще одно движение, блузка осталась в поднятых вверх руках, а я осталась обнажена до пояса.

Костик смотрел на меня жарко, пожирающим взором; на его шортах впереди возник крупный выступ. Взгляд на подругу. Аннушка сидела в кресле, изящно выгнув талию и сложив вместе полусогнутые ножки, в чисто женской позе. Рука ее, опирающаяся локтем в подлокотник кресла, кончиками пальцев касалась ее щеки. Она глядела на меня своими широко раскрытыми, темными, глубокими глазами; она замерла с полуотворенными губками и не отводила от меня взора.

Дальше, привстав на цыпочки, я расстегнула пуговицу на поясе своих бриджей. Небольшая пауза, и я плавно потянула собачку молнии, в самом интимном месте своего тела, вниз. Легкий треск. Я развела расстегнутый пояс бриджей в стороны, демонстрируя под ним край ярко-красных, кружевных трусиков. Большие пальцы рук под расстегнутым уже поясом пошли в стороны, вдоль бедер, и, добравшись до ягодич, пошли вниз, увлекая за собой бриджи. Когда они скользнули вниз по ножкам, я просто вышла из них и отбросила их в другое, незанятое кресло, где уже лежала скинутая блузка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.